

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364–1477**

Том 5

Проспер де Барант

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364–1477. Том 5**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364–1477. Том 5
/ П. Барант — «Издательские решения»,

Пятый том посвящён правлению Филиппа Доброго (1419–1467) — ключевой фигуре Столетней войны. Книга охватывает трагический союз Бургундии с Англией, Труасский договор, военные кампании, борьбу за Эно и Голландию, а также переломный момент — освобождение Орлеана Жанной д'Арк. Барант сочетает скрупулёзное документальное исследование с драматическим повествованием, создавая яркую картину эпохи рыцарства, междоусобиц и национального кризиса Франции.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

История герцогов бургундских из дома Валуа — 1364—1477	6
Предисловие к пятому тому	6
Книга первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	28

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 5

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-9124-4 (т. 5)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История герцогов бургундских из дома Валуа — 1364—1477

Том пятый. — Филипп Добрый Господина де Баранта, Пэра Франции Париж — Ладвокат — 1825.

Предисловие к пятому тому

«История герцогов Бургундских из дома Валуа» Проспера де Баранта — это не просто хроника событий, а грандиозная историческая фреска, в которой переплетаются судьбы королевств, блеск рыцарской культуры и мрачные бездны человеческих страстей. Пятый том, посвященный правлению Филиппа Доброго, — один из самых драматичных и насыщенных в этом многотомном труде. Он охватывает период с 1419 по 1429 год, время, когда судьба Франции висела на волоске, а Бургундское герцогство достигло апогея своего могущества, став ключевым игроком на европейской шахматной доске.

Контекст эпохи: Франция на пепелище

Начало XV века стало для Франции временем величайшей катастрофы. Поражение при Азенкуре (1415), безумие короля Карла VI и ожесточенная гражданская война между партиями арманьяков и бургундцев разорвали страну на части. Убийство герцога Жана Бесстрашного на мосту в Монтеро в 1419 году стало той точкой невозврата, которая открыла дорогу иностранному вторжению. Договор в Труа (1420) передал корону Франции английскому королю Генриху V, лишив наследства дофина Карла. Именно в этот мрачный час на исторической сцене появляется фигура, которой суждено было изменить ход истории, — Филипп Добрый, новый герцог Бургундский.

Барант показывает нам Филиппа не просто как мстительного сына, одержимого жаждой мести за отца, но как тонкого политика, стоявшего перед мучительным выбором. Его союз с англичанами, ознаменовавшийся позорным для Франции Труаским договором, был продиктован не только личной обидой, но и стремлением сохранить и приумножить свою державу, простиравшуюся от Северного моря до Альп. Однако в этом союзе с самого начала была заложена бомба замедленного действия: бургундское дворянство и народ оставались французами в душе, а надменность и алчность англичан с каждым годом всё больше отталкивали их.

Господин де Барант: историк-романтик

Проспер де Барант (1782—1866) — фигура, во многом характерная для французского исторического романтизма первой половины XIX века. Будучи не только историком, но и государственным деятелем, пэром Франции и дипломатом, он смотрел на историю сквозь призму политической борьбы своего времени. Его интерес к Бургундскому дому не случаен: в эпоху Реставрации, когда во Франции вновь заговорили о роли аристократии и региональных элит, история могущественной Бургундии, стоявшей в оппозиции к централизованной королевской власти, приобретала особый резонанс.

Барант принадлежал к поколению историков, которые, вслед за Вальтером Скоттом и Огюстеном Тьерри, стремились не просто пересказывать факты, но воскрешать прошлое, показывать живых людей с их страстями, величием и пороками. Поэтому его труд изобилует яркими портретами, драматическими сценами и живыми диалогами. Он не скрывает своих симпатий и антипатий: его восхищение рыцарским кодексом чести и блеском бургундского двора сочетается с неподдельным сочувствием к страданиям простого народа, обреченного на голод и разорение.

В этом томе мы видим блестящий пример его метода. Барант не только описывает сражения (при Краване, Вернее, битву «Сельдей»), но и погружает нас в атмосферу эпохи: мы слышим крики осажденных, видим разграбленные города, чувствуем запах дыма и крови. Особое внимание он уделяет внутренним противоречиям героев — моральным терзаниям Филиппа, который не может простить дофину убийство отца, но и не в силах до конца принять чужеземное иго. Именно это, а не сухая дипломатическая хроника, составляет главную ценность его работы.

Парадоксы правления Филиппа Доброго

Пятый том показывает Филиппа на перепутье. С одной стороны, он — воплощение бургундского могущества. Он расширяет свои владения, присоединяя графства Эно, Голландию и Намюр, его двор в Париже и Брюсселе становится центром рыцарского великолепия, а его покровительство искусствам и роскошь его турниров задают тон всей европейской моде. Барант с неподдельным восхищением описывает пышные церемонии, изысканное оружие и великолепные наряды, которые превращали бургундского герцога в настоящего «короля-солнце» своего времени.

Однако политическая сторона его правления пронизана трагизмом. В попытке отомстить за отца он стал орудием в руках англичан, что привело Францию к национальной катастрофе. Пока он наслаждался турнирами, его страна истекала кровью, а народ проклинал и своих, и чужих.

Именно в этот момент в действие вступает Жанна д'Арк, и появление Девы Орлеанской становится кульминацией всего тома. Барант с присущей ему драматической силой рисует этот исторический перелом: внезапный взлет народной веры, которая оказывается сильнее самых продуманных политических расчетов. Освобождение Орлеана, разгром англичан при Патэ и коронация Карла VII в Реймсе наносят сокрушительный удар по амбициям Бургундии и Англии. Отныне союз с англичанами теряет для Филиппа всякий смысл, и история неизбежно ведет его к разрыву с ними.

Значение перевода

Данный перевод знакомит русского читателя с одним из ключевых трудов европейской историографии XIX века. Это не просто сухой учебник, а увлекательное повествование, построенное по законам романа, но при этом строго документированное (о чем свидетельствуют многочисленные примечания автора). Перед читателем разворачивается грандиозная драма, полная любви и ненависти, предательства и героизма, в которой участвуют государи, рыцари и простые люди.

Мы надеемся, что этот том позволит читателю не только углубиться в историю Столетней войны и бургундского двора, но и почувствовать дыхание той суровой, жестокой и величественной эпохи, когда на руинах старого мира рождалась новая Европа.

Книга первая

Последствия смерти герцога Жана. — Союз герцога Бургундского с англичанами. — Труасский договор. — Взятие Монтеро. — Осада Мелена. — Король Англии въезжает в Париж. — Собрание сословий королевства. — Судебный процесс над убийцами герцога Жана. — Битва при Божсе. — Битва при Монс-ан-Виме. — Осада Мо. — Пребывание в Бургундии. — Смерть герцогини Мишель. — Смерть короля Генриха V и Карла VI. — Воцарение Карла VII. — Положение англичан во Франции. — Приключения Жаклин дю Эно. — Браки Анны Бургундской и герцогини Гайенской. — Меулан взят англичанами. — Амьенский договор. — Рыцарские турниры в Аррасе. — Битва при Криване. — Битва при Гравелле. — Смерть сира де Харкорта. — Рождение Людовика XI. — Битва при Ла Бюссьер. — Смерть вдовствующей герцогини. — Битва при Вернее.

Первого сентября, в то время как священник Монтеро велел нескольким городским нищим перенести в свою церковь тело Жана, герцога Бургундского, заключенное в гроб для бедняков, еще полностью залитое его кровью и одетое в его походные сапоги и камзол, люди Дофина атаковали замок, где укрылись несколько слуг Герцога, не имея ни припасов, ни артиллерии. После нескольких пушечных выстрелов им было приказано сдаться; сир Жан де ла Трёмуй и сир де Нёфшатель не знали, что случилось с их господином; они полагали его лишь пленником Дофина. Они ответили, что замок этот был доверен им герцогом Бургундским и что они сдадут его только по его приказу. Тогда к воротам привели Антуана де Вержи, захваченного накануне на мосту. «Братья, — сказал он им, — монсеньор Дофин приказывает мне передать вам, чтобы вы сдали ему эту крепость. Если вы этого не сделаете и он возьмет вас силой, он велит отрубить вам головы. Если же, напротив, вы сдадите ее ему и перейдете на его сторону, он облагодетельствует вас и предоставит вам щедрую долю в должностях королевства. — Знаете ли вы новости о монсеньоре?» — ответили они. Он указал пальцем на землю и прибавил: «Я советую вам сдать замок». Они снова отказались. Рыцари Дофина сказали им: «Предложите ваши условия». Они вернулись мгновение спустя, принеся в письменном виде статьи, которых они требовали: то были свобода их Герцога и его слуг, сохранность имущества и движимости, находившихся в замке, отсрочка на пятнадцать дней, чтобы доставить их лошадей, и охранная грамота, чтобы отправиться туда, куда им будет угодно [1].

Им было отвечено, чтобы они более не говорили о герцоге Бургундском, который не может быть им возвращен; что слуги его являются пленниками монсеньора Дофина, который хорошо с ними обойдется и предоставит им должности в королевстве; что то, что принадлежало Герцогу в замке, будет передано по описи людям Дофина, которые выдадут в том расписку, и что касается их самих, то их немедленно препроводят в Брэ. Они согласились и тотчас туда отправились. Дама де Жиак и Жоскен, находившиеся в замке, остались с Дофином и перешли на его сторону.

Как только сир де Нёфшатель оказался в Брэ, он написал королю, герцогине Бургундской, графу де Шароле, городу Парижу и другим добрым городам, чтобы сообщить им о преступлении, совершенном над особой герцога Бургундского.

Когда известие стало известным в Труа, королева и королевский совет тотчас отправили Жана Мерсье к герцогине Бургундской, написав ей [2], чтобы она как можно скорее призвала к королю и для его защиты рыцарей, вассалов и вооруженных людей ее герцогства. Опасаясь нанести ей слишком жестокий удар, король и королева сообщили ей лишь, что ее муж был ранен и удерживается в плену. Жану Мерсье было поручено постепенно подготовить ее к принятию печальной новости.

Герцогиня повиновалась полученному ею приказу; и в то же время она отправила торжественное посольство к королю, дабы просить правосудия и отмщения за вероломство, свершившееся над особой ее господина и супруга. Она также отправила мессира Готье де Рупеса и некоторых других слуг к своему сыну во Фландрию; наконец, она известила письмами и посольствами Папу и государей христианского мира об этом плачевном событии.

Граф де Шароле находился в Генте, когда послание сира де Нёфшателя прибыло к нему. Скорбь его была велика; его наставники и его совет не могли успокоить его, ни осушить его слез; он не желал никого видеть. «Мишель, — сказал он своей жене, — ваш брат убил моего отца». Бедная принцесса живо восприняла эти слова; помимо того, что она была превосходной натуры, она опасалась, что это несчастье навсегда лишит ее сердца ее супруга, которого она так любила. Однако он сам утешил ее и выказал ей более привязанности, чем когда-либо.

Новому Герцогу было двадцать три года; несмотря на свою молодость, он тотчас выказал себя одушевленным твердым желанием отомстить за отца и удержаться во власти, которую партия Дофина, несомненно, постарается уничтожить. Посовещавшись со своим советом и людьми Гента, Ипра и Брюгге, он принял, как единственный наследник герцога Жана, титулы всех его владений; затем он отправился в Мехелен, где у него состоялась встреча с герцогом Брабантским, его кузеном, Жаном Баварским, его дядей, герцогом Клевским, его шурином, и графиней Эно. На этом семейном собрании было решено, что надлежит прежде всего договориться с королем Англии и заручиться его союзом; послы были немедленно к нему отправлены [3].

Затем Герцог прибыл в Лилль; там он принял депутатов Парижа. Известие о смерти его отца вызвало всеобщее возмущение в этом городе, который оказался тем самым обречен на ужасные и неминуемые бедствия. Еще двенадцатого сентября граф де Сен-Поль собрал в зале парламента канцлера, многих знатных военачальников и вооруженных людей, прево Парижа, прево купцов, других советников и королевских чиновников, буржуа и жителей в большом числе. Они принесли клятву повиноваться ему как наместнику короля, помогать ему и действовать с ним заодно для охраны, сохранения и защиты города, и в целом для сохранения и защиты королевства; сопротивляться всеми своими силами проклятым замыслам и предприятиям преступников, мятежников, нарушителей мира и единения, заговорщиков, виновных в убийстве покойного герцога Бургундского и причастных к нему; добиваться отмщения и возмездия за него; жить и умереть с графом де Сен-Полем в этом преследовании; доносить и обвинять по закону всех тех, кто захотел бы поддерживать и помогать означенным преступникам; и не заключать никакого частного договора по этому поводу без согласия друг друга.

Эту самую клятву мэтр де Морвилье, первый председатель парламента, принес герцогу Филиппу, тогда как другие посланцы отправились в Дижон представить ее герцогине Маргарите.

Герцог ответил парижанам и написал другим добрым городам, что он надеется добиться для них перемирия с англичанами и что если они пожелают прислать к нему депутатов семнадцатого октября в Аррас, то будет решено, что надлежит делать. В самом деле, не было ничего более настоятельного, чем избавить Париж от набегов, которые англичане совершали до самых ворот города; нужда и голод возрастали там с каждым днем. Когда стечение народа в Аррасе стало велико и до открытия собраний, Герцог велел совершить торжественную службу за упокой души его отца. На ней присутствовали пять епископов и девятнадцать аббатов в митрах. Траур вели мессир Жан де Люксембург и мессир Жак д'Аркур. Брат Пьер Флур, инквизитор веры в Реймской епархии, произнес прекрасную проповедь; он увещевал Герцога не искать мщения за смерть его отца; он сказал ему, что лишь к правосудию он должен обращаться, дабы получить воздаяние; что он может поддержать правосудие силой, если потребуется, но никогда не мстить своей собственной властью, что подобает лишь Богу. Столь христианские слова были дурно приняты сеньорами, бывшими с Герцогом, и сам он казался мало ими тронут [4].

Депутаты Парижа, которые все были слугами или ревностными сторонниками герцога Бургундского, легко согласились на то, что им было предложено, и даже на проект договора с англичанами. Не то чтобы эти враги королевства не внушали по-прежнему великого страха и отвращения народу Парижа; но он был так несчастен; те, кто им руководил, поддерживали в нем такой ужас перед арманьяками; гарнизоны, которые партия Дофина имела близ Парижа, творили такие жестокости в окрестностях, что в городе говорили с великим отчаянием: «Лучше уж англичане, чем арманьяки [5]».

Весь остаток года прошел в переговорах и посольствах [6]; Дофин сам еще попытался договориться с англичанами, но король Генрих имел теперь более высокие притязания, чем прежде. Новый герцог Бургундский, не имея иной мысли, кроме своего мщения, не помышлял их оспаривать; и король Англии находил очевидную выгоду в договоре с ним.

Вот что он предложил: во-первых, жениться на мадам Екатерине, не возлагая никакого бремени на королевство; во-вторых, оставить королю Карлу пользование его короной и доходами королевства пожизненно; в-третьих, чтобы после его смерти корона Франции навечно перешла к королю Генриху и его наследникам; в-четвертых, ввиду болезни короля, мешавшей ему заниматься управлением, король Англии принял бы титул и власть регента; в-пятых, чтобы принцы, вельможи, общины, буржуа принесли присягу королю Англии как регенту и обязались признать его сувереном после смерти короля Карла.

Герцог Филипп подписал жалованные грамоты, коими он одобрял эти статьи и обещал поддержать их в королевском совете; одновременно он заключил договор, который гласил:

1. Что один из братьев короля Генриха женится на сестре Герцога;
2. Что король и Герцог будут любить и помогать друг другу как братья;
3. Что они вместе будут добиваться наказания Дофина и других убийц герцога Жана;
4. Что если Дофин или кто-либо другой из означенных убийц будет взят в плен, он не может быть освобожден без согласия Герцога;
5. Что король Англии выделит Герцогу и мадам Мишель, его супруге, земли на двадцать тысяч ливров ренты, за которые ему будет принесен оммаж.

На этих условиях было даровано перемирие с двадцать четвертого декабря до первого марта [7]; Дофин и его сторонники были формально из него исключены. В то же время герцог Бургундский собирал своих вассалов и вооруженных людей, чтобы вести энергичную войну против дофинистов. Те только что захватили врасплох город Руа. Мессир де Люксембург поспешил осадить его, прежде чем они там еще хорошо укрепятся. Действительно, они не могли там долго обороняться, и им было позволено выйти, сохранив жизнь и имущество; им была дана охранная грамота, и сир Гектор де Савёз получил приказ их сопровождать.

Однако отряд англичан под командованием графа Хантингтона и лорда Корнуоллиса, узнав, что дофинисты получили столь выгодные условия, бросился за ними в погоню. Многие пикардийские дворяне из армии сира де Люксембурга, и особенно бастард де Круа, недовольные тем, что их таким образом лишили денег выкупа, присоединились к англичанам. Они вместе напали на дофинистов, не слушая увещаний сира де Савёза. Тщетно он хотел взять под свою защиту и объявить своим пленником сира де Карадоса, начальника гарнизона Руа; граф Корнуоллис вознамерился отнять его у него. Пока они препирались, англичанин нанес сильный удар кулаком в железной перчатке сир де Савёзу и грубо оттолкнул его. Савёз был почти один; ему пришлось стерпеть это насилие. В нарушение охранной грамоты дофинисты были уведены в плен англичанами.

Те, кто попал в руки бастарда де Круа и пикардийских дворян, оказались еще несчастнее. Мессир де Люксембург, как только узнал, что его охранная грамота была нарушена, пришел в великий гнев и решил наказать по крайней мере тех из своей армии, кто находился под его прямым командованием. Он отправил приказ сеньору де Круа выдать ему его брата-бастарда, а сир де Лонгвалю — выдать бастарда де Дюнона, брата его жены. Оба сеньора не обратили

никакого внимания на это послание и отказались повиноваться [8]. Сир де Люксембург объявил, что возьмет их силой. К его угрозе также не прислушались; ему ответили, что он, возможно, не окажется сильнейшим; и чтобы пленники не попали в его руки, их предали смерти. Ничего нельзя было предпринять против виновных. Мессир де Люксембург распустил своих людей и вернулся к герцогу Бургундскому, который готовился к поездке в Труа.

Он выехал в феврале и нашел в Перонне, куда они были вызваны, большую часть своих слуг и военачальников. В Сен-Кантене граф Уорик и другие послы короля Англии присоединились к нему с пятьюстами всадниками. Когда он собирался продолжить свой путь к Труа, жители Лана умоляли его прежде осадить Крепи, чей гарнизон опустошал всю округу; им командовали храбрые военачальники из партии Дофина, среди прочих сир де Виньоль, прозванный Ла Гир, Потон де Сентрай и Нодоне, его племянник. Сначала они доблестно оборонялись; но бургундская армия была многочисленна и великолепна; в ней видны были все сеньоры и рыцари, прославившиеся под началом герцога Жана: сир де Люксембург, де Лиль-Адан, де Шателю, Робер де Майи, Ги де Бар, Антуан де Круа, братья Фоссёз, сеньор д'Эмберкур, сир де Комин, сеньор де Лонгваль, братья Савёз, бастард д'Аркур. Герцог вез с собой своего канцлера, епископа Турне, и своих ближайших советников, сиров де Бримё и де Робэ; словом, он направлялся в Труа со всей своей мощью.

Военачальники Крепи не могли, без надежды на подкрепление, противостоят такой армии. Герцог впервые здесь участвовал в военных действиях; он не пожелал сурово обойтись с гарнизоном и позволил ему выйти, сохранив жизнь и имущество. Но едва гарнизон двинулся в путь, как он был разграблен и обобран; Герцог был весьма разгневан этим и велел возвратить то, что можно было отыскать. Эти грабежи не были очень удивительны; в его армии было много людей, которые с давних пор имели привычку служить в вольных отрядах и разорять провинции. Он вел с собой, среди прочих, некоего Табари Хромого, начальника отряда крестьян, который был одним из самых жестоких разбойников того времени.

Герцог прибыл двадцать восьмого марта в Труа; дворяне Бургундии и Франции, знатные буржуа и народ, восклицая «Ноэль!», вышли ему навстречу. Королева и мадам Екатерина выказали ему величайшую любовь. Он принес клятву верности и оммаж королю за герцогство Бургундское, графство Фландрию, графство Артуа и прочие свои владения. Оммаж был не в той же форме, что у его отца. Достоинство пэрства и пэрство Фландрии были включены в оммаж за герцогство Бургундское и графство Фландрию и рассматривались как от них производные. Он распоряжался всем в королевском совете и добился предоставления ему великих преимуществ. Король отказался от права выкупа Лилля, Дуэ и Орши. Он уступил, вместо денежного приданого мадам Мишель, его дочери, города Перонну, Руа и Мондидье [9]. Он подтвердил дарение графства Тоннер, которое герцог Жан получил незадолго до своей смерти. Наконец, он присудил герцогу Бургундскому имущество убийц его отца и особняк Арманьяков, который находился в Париже, на улице Сент-Оноре, близ церкви Блаженных Младенцев.

Но в то время велись и другие дела, гораздо более печальные и губительные для королевства. Уже девятого апреля королева и герцог Бургундский добились от короля подписания того, что он отдает королю Англии свою дочь Екатерину, что он признает его своим наследником в ущерб Дофину и назначает его регентом. Несчастный король не имел уже ни разума, ни памяти. Великой скорбью и всеобщим негодованием было видеть, как королева передает благородное королевство Францию его старинным врагам, которые столько лет опустошали его тысячами разорений; ее ненавидели за то, что она так лишала наследства собственного сына, отменяя древние установления, коими короли мудро постановили, что женщины не наследуют корону. Удивлялись также и тому, что герцог Бургундский, принц лилии, разоряет свою страну и свою семью, отказывается от собственных прав, которые он мог бы иметь, и предается таким образом из мести советам чужеземцев [10]. Сами англичане дивились такому духу ослепления, который по доброй воле отдавал им королевство [11]. Сами парижские мятежники, сколь ни

были они одушевлены яростной ненавистью к арманьякам и Дофину, находили, однако, жестоким и постыдным становиться подданными англичан [12]. Все люди честные, добрые и верные французы почитали этот договор проклятым и совершенно ничтожным [13]: «Великий ужас, — говорили они, — помыслить, что какой-либо француз, благородный или неблагородный, не только мог способствовать этому договору, но видеть его, слышать о нем, не испытывая к нему отвращения; он не может дать мира ни духовного, ни светского; он полон раздоров, войн, убийств, грабежей, пролития человеческой крови и ужасных мятежей; он стремится породить и питать предательство, клятвопреступление, вероломство и ввергнуть в недостойное подданство и позорное рабство всех жителей благородного королевства Франции, клириков, дворян и буржуа; с ним должен бороться всякий добрый христианин всей своей властью, церковной или светской, каждый сообразно своему состоянию, особенно же Папа, прелаты, государи, еще более — пэры Франции и знатные города, наконец, все те, кто ненавидит тиранию и любит добродетель и свободное состояние [14]».

Однако различные должности города Парижа были столь прочно заняты сторонниками и слугами герцога Бургундского, что когда двадцать девятого апреля Парламент, Счетная палата, Университет, капитул, королевские чиновники при Парламенте и Шатле, прево Парижа и прево купцов, квартальные, пятидесятники и десятники, собранные графом де Сен-Полем и канцлером, получили сообщение о проекте договора с англичанами, ни один голос не поднялся, чтобы воспротивиться ему [15].

Послы короля изложили от его имени, что герцог Бургундский, недавно прибыв в город Труа, велел, в присутствии многих баронов, дворян, прелатов, советников, представителей и послов общин и добрых городов королевства, доложить через епископа Турне, своего канцлера, о том, что он, по приказу короля и королевы и по совету добрых городов, заключил с королем Англии. Епископ этот объявил, что отнюдь не из мести его господин предлагает этот договор, но чтобы помочь опасностям, разорению, гибели королевства, избежать пролития человеческой крови, избавить народ от притеснений и тягот, которые он претерпел и еще претерпевает, дабы управлять им по справедливости, в мире и спокойствии.

Послы прибавили, что король, королева, бароны, прелаты, общины, собравшиеся в Труа, предварительно осведомились о личности и нраве короля Англии; что его называли благоразумным и мудрым, любящим мир и справедливость [16], поддерживающим среди своих воинов добрую дисциплину, противящимся их распутству, изгоняющим из своего лагеря женщин дурного поведения, защищающим бедный народ, приветливым как с малыми, так и с великими, строгим защитником церквей и монастырей, другом мудрых и ученых клириков, покорным воле Божией, восхваляющим Его в счастье и подчиняющимся без гнева несчастью. Добавляли, что он благородной осанки и приятного лица. Такими речами постаравшись подать добрую надежду народу, послы объявили, что, за исключением некоторых изменений, договор, заключенный герцогом Бургундским, был утвержден. При этом, говорили они, особенно были приняты во внимание раздоры в королевстве, поведение королевского сына, именующего себя Дофином, и людей, им признаваемых, которые, нарушив скрепленные клятвой договоры и принесенные присяги, вероломно предали смерти покойного герцога Бургундского, сделались тем самым недостойными всякого сана и почестей, навлекли на себя кары и проклятия, содержащиеся в договорах, и освободили каждого от верности, службы, оммажа и присяги.

Канцлер Франции напомнил собранию, что договор этот соответствует желанию, которое добрый город Париж уже выказал, и тому, что его депутаты постановили в Аррасе с герцогом Бургундским; затем он спросил, желают ли они твердо держаться и присоединиться к договору, сообщенному королем. «Да, да, — закричали они с одобрением и все в один голос, — да здравствует король, королева и монсеньор Бургундский». На другой же день канцлер и первый председатель присоединились к послам и отправились в Понтуаэ к королю Англии просить его согласиться на изменения, предложенные в Труа.

Уже тринадцатого апреля герцог Бургундский поспешил известить этого государя, что все решено и что он может прибыть. Пока продолжались переговоры, Герцог приказал своей армии осадить различные крепости, которые люди Дофина удерживали в Шампани и на границах Бургундии; они храбро оборонялись. Жан де Люксембург был тяжело ранен и потерял глаз при осаде Алибодьера. Потерпели неудачу под Куси, и разбойник Табари был там убит; монастырь Экан-Сен-Жермен близ Осера был взят [17]. Когда дорога из Труа в Дижон стала свободнее после этих походов, вдовствующая герцогиня Бургундская и ее сын, которые не виделись со смерти герцога Жана, назначили друг другу встречу в Шатийоне [18]. Она просила его представить королю прошение, составленное в ее совете, дабы потребовать правосудия над убийцами ее мужа. Но время было выбрано неудачно: Герцог оставил королеву всецело занятой приготовлениями к празднествам, которые должны были ознаменовать прибытие короля Англии и его бракосочетание с мадам Екатериной; сам он поспешно возвратился в Труа, чтобы ее принять.

Король Англии прибыл в самом деле двадцатого мая в сопровождении двух своих братьев, герцога Глостера и герцога Кларенса, с многочисленной и блестящей свитой и с семьей тысячами воинов [19]. Герцог Бургундский выехал ему навстречу с французскими сеньорами и проводил его в приготовленный для него особняк. Отдохнув несколько мгновений, король Генрих отправился с визитом к королю и королеве Франции, которых он нашел в церкви Святого Петра вместе с мадам Екатериной. Все было условлено заранее; церемония обручения была совершена тотчас же, а на следующий день, изменив еще несколько статей, король Англии и король подписали этот знаменитый договор в Труа, который стал позором королевства. Он был обнародован в следующей форме:

«Карл, Божиею милостью король Франции, всем нашим бальи, прево, сенешалям и прочим начальникам наших судебных мест или их заместителям, привет. Окончательное соглашение и вечный мир заключены и скреплены клятвой между нами и нашим дражайшим и возлюбленнейшим сыном Генрихом, королем Англии, наследником и регентом за нас королевской власти Франции, посредством брака между ним и нашей дражайшей и возлюбленнейшей дочерью Екатериной, а также посредством различных статей, составленных, принятых и одобренных каждой стороной, для блага и пользы наших подданных и безопасности наших земель; посредством этого мира наши сказанные подданные и подданные нашего сына смогут сообщаться, торговать и вести дела друг с другом по сю и по ту сторону моря.

1. Сын наш король Генрих будет отныне почитать нас как своего отца, а нашу супругу королеву как свою мать и не будет препятствовать нам в течение нашей жизни мирно пользоваться и обладать нашим королевством.

2. Он не будет чинить препятствий или помех тому, чтобы мы держали и обладали, пока мы живы и как ныне, короной, королевским достоинством Франции и доходами, плодами и прибытками, с ними связанными, для поддержания нашего сана и тягот королевства, и тому, чтобы наша супруга сохраняла, пока она жива, сан и достоинство королевы, по обычаю королевства, с подобающей частью означенных доходов и рент.

3. Дочь наша Екатерина будет иметь и получать в королевстве Английском вдовью часть, какую обыкновенно имеют королевы, а именно шестьдесят тысяч эку в год, каковую часть постарается обеспечить ей наш сын король Генрих, не нарушая, однако, и не ущемляя клятву, которую он принес соблюдать законы, обычаи и права своего королевства Английского.

4. Постановлено, что тотчас после нашей кончины и с того времени впредь корона и королевство Франция со всеми их правами и принадлежностями будут навечно принадлежать и останутся за нашим сыном королем Генрихом и его наследниками.

5. Поскольку мы большей частью времени лишены возможности сами заботиться и заниматься ведением дел нашего королевства, возможность и осуществление управления и устройства общественных дел будут и останутся, при нашей жизни, за нашим сыном королем Ген-

рихом, с советом благородных и мудрых людей королевства, которые будут нам повиноваться и которые возлюбят честь и пользу сказанного королевства. Имея таким образом возможность и осуществление управления, он будет усердно, прилежно и верно трудиться, во славу Божию, нашу и нашей супруги и для блага королевства, дабы защищать его, умиротворять, успокаивать и управлять им согласно требованиям справедливости и правосудия, с советом и помощью великих сеньоров, баронов и дворян королевства.

6. Сын наш сделает все, что в его силах, для того чтобы суд парламента Франции ныне и в будущем сохранялся и оберегался в той власти и верховенстве, кои он должен иметь в подвластных нам землях.

7. Названный сын наш будет защищать и охранять всех и каждого, дворян, пэров, города, общины и отдельных лиц, в их обычных правах, привилегиях, преимуществах, вольностях и вольных грамотах, им принадлежащих.

8. Он будет стараться и делать все, что в его силах, для того чтобы правосудие отправлялось в королевстве согласно обычным законам и правам королевства Франции, невзирая на лица, будет хранить и держать подданных в мире и спокойствии и, с опасностью для своего тела, защищать их от каких бы то ни было насилий или притеснений.

9. Он сделает все возможное, чтобы должности, как судебные в Парламенте, так и в баляжах, сенешальствах и прочих, зависящих от коронной власти королевства, замещались лицами способными, полезными и пригодными к доброму, справедливому, мирному и спокойному правлению и к управлению, которое должно быть им вверено, и чтобы они были таковы, какими им надлежит быть назначаемыми и избираемыми по законам и правам королевства.

10. Сын наш будет стараться всеми своими силами и как можно скорее вернуть в наше повиновение все и каждые города, крепости, замки, местности, земли и лица нашего королевства, которые держат сторону, обычно называемую стороной Дофина или Арманьяка.

11. Дабы сын наш мог успешно, безопасно и беспрепятственно осуществлять и исполнять вышесказанное, постановляется, что великие сеньоры, бароны и дворяне, и Штаты королевства, как духовные, так и светские, а также города и знатные общины, граждане и буржуа городов, нам повинующихся, принесут клятву повиноваться и смиренно слушаться во всем повелений и приказов, касающихся отправления управления королевством, которые они получают от названного сына нашего; честно и верно соблюдать и заставлять соблюдать всеми прочими во всем и повсюду, насколько это может их касаться, то, что установлено или будет установлено и одобрено между нами, нашей супругой королевой и нашим сыном королем Генрихом, по совету тех, кого мы, наша супруга и названный сын наш к сему назначим; тотчас после нашей кончины быть верными и присяжными людьми названного сына нашего и его наследников, принять его как своего прямого сеньора и суверена, как истинного короля Франции, без какого-либо противодействия, возражения или затруднения, повиноваться ему как таковому и никогда не повиноваться другим как королю или регенту, кроме как нашему сыну королю Генриху; никогда не участвовать в совете, помощи или согласии на то, чтобы он потерял жизнь или члены, или чтобы он был захвачен злым пленением, или чтобы он потерпел ущерб или умаление в своей особе, своем сани, своей чести или своих благах; всеми своими силами препятствовать тому, что могло бы быть замыслено против него, и извещать его о том как можно скорее через посланца или письмами.

12. Постановляется, что все и каждые завоевания, которые будут сделаны в королевстве Франции нашим сыном королем Генрихом, будут к нашей выгоде, за исключением герцогства Нормандии, и что он сделает так, чтобы все владения, расположенные в местах нашего повиновения, принадлежащие лицам, которые нам повинуются и которые поклянутся соблюдать настоящее соглашение, были возвращены тем, кому они принадлежат.

13. Постановляется, что все лица духовного звания, имеющие бенефиции в сказанном герцогстве или в каком-либо ином месте королевства Франции, повинующиеся нам и нашему

сыну и благоприятствующие стороне нашего дражайшего и возлюбленного сына герцога Бургундского, которые поклянутся соблюдать настоящее соглашение, будут мирно пользоваться своими бенефициями.

14. Что все и каждые церкви, Университеты, общие школы, духовные коллегии, расположенные в подвластных нам местах или в герцогстве Нормандии, будут пользоваться своими правами, владениями, рентами, преимуществами, вольностями, вольными грамотами и первенством, им принадлежащими или причитающимися, за исключением прав короны или чьих-либо иных.

15. Когда наш сын король Генрих вступит на престол Франции, герцогство Нормандия и все прочие места, завоеванные им в королевстве, будут под властью и юрисдикцией французской короны.

16. Король Генрих возместит лицам, нам повинующимся и благоприятствующим стороне Бургундии, владения, доходы и имущества, которыми он уже завладел в герцогстве Нормандии или в другом месте; сказанное возмещение будет сделано не в ущерб короне, но на землях, приобретенных или подлежащих приобретению от мятежников и неповинующихся; и если это возмещение не будет сделано к моменту нашей смерти, король Генрих произведет его, когда вступит на престол. Но если земли, владения и имущества сказанных лиц стороны Бургундии еще не были розданы, они будут возвращены без промедления.

17. При жизни нашей, во всех местах, которые ныне нам подвластны или станут таковыми в будущем, грамоты общего правосудия, дарения, помилования, привилегий должны будут писаться под нашим именем и за нашей печатью; однако, поскольку могут случиться такие особые случаи, которых ум человеческий не может предвидеть и при которых нашему сыну королю Генриху было бы необходимо повелеть написать таковые, сие будет ему дозволено для блага и безопасности управления, которое принадлежит ему, как о том сказано, и во избежание неудобств и опасностей, каковые иначе могли бы произойти; тогда он будет повелевать, запрещать и приказывать от нашего имени и от своего имени как регента.

18. Всю нашу жизнь наш сын король Генрих не будет именовать, приказывать именовать или писать себя королем Франции и будет воздерживаться от этого имени, пока мы живы.

19. Постановляется, что мы будем именовать его на французском языке: Наш дражайший сын Генрих, король Англии и наследник Франции; а на латинском языке: *Noster praecharissimus filius Henricus, rex Angliae, haeres Franciae*.

20. Сын наш не будет налагать и не прикажет налагать никаких податей или поборов на наших подданных без разумной и необходимой причины и иначе, как для общественного блага королевства и согласно предписанию и требованию законов и разумных обычаев, одобренных сказанным королевством.

21. Дабы согласие, мир и спокойствие между королевствами Францией и Англией на будущие времена соблюдались навечно и дабы были устранены препятствия и поводы, по которым споры, раздоры и распри могли бы возникнуть в будущем, чего да не допустит Бог, названный сын наш будет стараться всеми своими силами, чтобы, по совету и с согласия трех Штатов каждого королевства, было установлено и предусмотрено, чтобы с того времени, как наш сын вступит на престол Франции, обе короны, Франции и Англии, пребывали навсегда вместе и соединенными в одном лице, а именно в лице нашего сына короля Генриха, пока он жив, а затем впредь в лицах его наследников, последовательно, одних за другими, и чтобы оба королевства управлялись не раздельно под властью разных королей, но под властью одного лица, которое будет королем и верховным государем того и другого; сохраняя, однако, во всем прочем все законы каждого и никоим образом не подчиняя одно королевство другому, ни законам, правам, обычаям и укладу другого.

22. Отныне и навечно прекратятся и утихнут во всех отношениях разделения, ненависть, злоба, несправедливости и войны между двумя королевствами, и оба народа примкнут к ска-

занному согласию, и будут отныне и навсегда мир, спокойствие, согласие, дружба прочная и нерушимая, взаимное расположение против всех и каждого; оба королевства будут помогать друг другу советом и поддержкой против всех лиц, которые попытались бы причинить ущерб им или одному из них; и они будут сообщаться и торговать друг с другом свободно и безопасно, уплачивая пошлины или подати, причитающиеся или обычные.

23. Все союзники и друзья королевств Франции и Англии, которые в течение восьми месяцев после того, как настоящий мир будет им объявлен, заявят о своем твердом желании присоединиться к сказанному согласию и быть включенными в договор, будут в него действительно включены, с сохранением, однако, исков, прав на возмещение, которые та или другая корона или ее подданные могли бы иметь против сказанных союзников.

24. Постановляется, что наш сын король Генрих, с совета нашего дражайшего сына Филиппа Бургундского и других дворян королевства, которые будут для сего призваны, позаботится о попечении над нашей особой безопасно, подобающе и достойно, согласно требованию нашего сана и королевского достоинства, таким образом, чтобы то было к чести Божией и нашей, и к чести королевства Франции и наших подданных. Все лица, как благородные, так и иные, которые будут находиться при нас для нашей особы и нашей домашней службы, не только по названию должности, но и всяким иным образом, будут уроженцами королевства Франции или мест, где говорят по-французски, людьми добрыми, мудрыми, верными и пригодными к сказанной службе.

25. Постановляется, что мы будем жить и пребывать лично в каком-либо значительном месте нашего повиновения, а не в ином.

26. Принимая во внимание ужасные и чудовищные преступления и злодеяния, совершенные Карлом, именующим себя Дофином Вьеннским, постановляется, что мы, названный сын наш король, а также наш дражайший сын Филипп, герцог Бургундский, никоим образом не будем вступать в переговоры о мире и согласии с сказанным Карлом иначе как с согласия и по совету всех и каждого из нас троих и трех Штатов королевства.

27. Относительно вышесказанного и каждой статьи оного, сверх наших жалованных грамот, скрепленных нашей большой печатью, мы дадим и повелим дать нашему сыну королю Генриху жалованные грамоты одобрительные и подтвердительные от нашей вышесказанной супруги, от нашего сына Филиппа Бургундского и других лиц нашей королевской крови, от великих сеньоров, баронов, городов и местечек, нам повинующихся, от каковых, с нашей стороны, король Генрих пожелает иметь грамоты.

28. Равным образом наш сын король Генрих, со своей стороны, повелит дать нам и учинить для сих же самых предметов, сверх сих жалованных грамот, скрепленных его большой печатью, жалованные грамоты одобрительные и подтвердительные от его дражайших братьев и других лиц его королевской крови, от великих сеньоров, баронов, городов и местечек, ему повинующихся, от каковых мы пожелаем иметь грамоты.

Все вышесказанное и написанное мы, Карл, король Франции, за себя и наших наследников, без обмана, мошенничества и злого умысла, обещаем и клянемся, словом короля, на святых Евангелиях Божиих, нами телесно осязаемых, исполнить и соблюсти и повелеть соблюсти и исполнить нашим подданным; и что наши наследники никогда не пойдут против вышесказанного никоим образом, в суде и вне суда, прямо или косвенно, или под каким-либо притворным предлогом. И дабы сие было твердо и нерушимо навечно и навсегда, мы повелели приложить нашу печать к сей настоящей грамоте. Дано в Труа, 21 мая 1420 года.

В то же время герцог Бургундский и король Англии возобновили и скрепили союзный договор, уже заключенный в Аррасе, и Герцог принес следующую клятву [20]:

«Мы, Филипп, герцог Бургундский, за себя и наших наследников, клянемся на святых Евангелиях Божиих Генриху, королю Англии и регенту Франции за короля Карла, смиренно и верно ему повиноваться во всем, что касается короны и общественного дела Франции; и тот-

час после смерти короля Карла, нашего государя, быть навечно прямым и верным человеком короля Генриха и его преемников; не иметь и не терпеть иного верховного государя короля Франции, кроме короля Генриха и его наследников; никогда не входить в совет и не давать согласия на какое-либо зло, каковое могло бы быть причинено королю Генриху и его преемникам, от которого они потерпели бы вред в телах или членах своих или потеряли бы жизнь; но, напротив, усердно извещать их, насколько то будет в нашей власти, о сказанных замыслах через письма или послания».

Великое множество духовных и светских сеньоров, находившихся в городе Труа, принесли также ту же клятву. Но эти договоры и это подчинение врагу королевства ввергали в глубокую скорбь многих людей, даже среди тех, кто был привязан к герцогу Бургундскому. Ему пришлось дать многим из них прямое повеление присягнуть этому миру, который казался им предательством. Он с великим трудом склонил к этому Жана де Люксембурга и его брата Луи, епископа Теруанского: «Вы того желаете, — сказали они, — мы принесем эту клятву, но и соблюдаем ее до самой смерти [21]». Менее знатные слуги, которые провели долгие годы в доме его отца, покинули его и печально возвратились по домам. Их называли арманьяками, но они были лишь добрыми и верными французами [22]. Во всем его герцогстве города сначала отказывались присягать королю Англии [23].

Второго июня отпраздновали бракосочетание короля Англии и мадам Екатерины в церкви Святого Иоанна в Труа. Анри де Савуази, архиепископ Сансский, совершал брачную службу и благословил ложе новобрачных. Ночью им подали суп с вином, ибо король Генрих пожелал, чтобы все происходило по французскому обычаю. На следующий день он дал большой пир королю, герцогу Бургундскому и великим сеньорам Франции. Хотели также устроить какой-нибудь прекрасный турнир, но он отказался от этого [24]. «Я прошу, — сказал он, — монсеньора короля позволить, и я приказываю всем его слугам и моим, чтобы мы были готовы завтра утром выступить и осадить город Санс, где находятся враги короля. Там каждый из нас сможет сразиться, турнировать и показать свою доблесть и мужество; ибо нет более прекрасной доблести, чем свершить правосудие над злыми, дабы бедный народ мог жить». Он также произнес перед всеми присутствующими речь, полную достоинства [25]; он говорил о выгоде, которую обретут оба королевства, будучи подвластны одному королю. Он сказал, что, хотя и рожден англичанином, он будет с таким же усердием заботиться о процветании королевства Франции, как и о своей родной земле; что, впрочем, он рожден французом по женщинам, что всегда более достоверно. Он повторил, что Дофин есть единственный зачинщик и единственная причина гражданской войны и что убийством герцога Жана он ясно показал свой дурной нрав и жестокие наклонности. Посему он приказал сеньорам, сообразно их долгу, их клятве и их согласию, идти с ним и помочь ему привести этого строптивого и вероломного сына к повиновению королю, его отцу. Затем он прибавил: «Что до меня, я буду сообразовываться со статьями, которые вы постановили и одобрили. Я буду любить, чтить и почитать короля Карла наравне с моим собственным отцом, как я обещал через этот мир, который, я уверен, пребудет навсегда. И вы, если вы покажете себя верными и преданными мне, — скорее Океан перестанет течь, скорее солнце потеряет свой свет, нежели я не исполню того, что государь должен своим подданным, и того, что сын должен своему отцу».

Осада Санса длилась недолго. Город сдался через два дня после того, как король Англии и герцог Бургундский предстали перед ним. «Вы дали мне жену; я возвращаю вам ее вашей», — сказал король Генрих, передавая ему его церковь [26].

Оттуда они отправились атаковать Монтеро. Сир де Гитри начальствовал там за Дофина и поначалу доблестно оборонялся; но в день Святого Иоанна несколько англичан и бургундцев, без приказа своих начальников, пойдя на приступ, захватили город врасплох, и гарнизон, не без потерь, был вынужден отступить в замок. Как только Герцог вошел, городские женщины тотчас проводили его в церковь, где похоронили его отца [27]. Он приказал в тот же час воз-

ложить погребальное покрывало и две свечи на эту гробницу. На следующий день она была открыта, и тело нашли полуодетым и обезображенным от полученных им тяжелых ран; голова его была вся рассечена ударом топора, который нанес ему Таннеги; не было никого, кто не был бы тронут при виде этой широкой раны, через которую англичане вошли во Францию, как говорил сто лет спустя дижонский картезианец, показывая королю Франциску I гробницу Жана Бургундского. Сын его дал большие награды церковнослужителям Монтеро, которые изыали это тело от оскорблений арманьяков и погребли его в освященной земле; они передали ему часослов Герцога, найденный при нем; но все его драгоценности были похищены. Тело было забальзамировано, перевезено с великой торжественностью в Дижон и погребено в Картезианском монастыре рядом с Филиппом Смелым. Бастард де Круа, убитый при взятии города, был похоронен в Монтеро в могиле, которую герцог Жан оставил пустой.

Замок еще держался. Король Англии велел потребовать от сира де Гитри сдачи; герольд был принят оскорбительно, и на его послание не обратили внимания [28]. Король, разгневанный, приказал привести пленников, захваченных при взятии города, и объявил им, что они будут повешены, если не убедят начальника сдаться. Виселица была немедленно воздвигнута. Эти несчастные встали на колени на краю рва и кричали сиру де Гитри спасти им жизнь, представляя ему, что помощи он не получит и что ему вскоре придется сдаться. Он был непреклонен. Тогда бедные несчастные попросили позволения проститься со своими женами, детьми и теми из друзей, которые остались в городе. Несмотря на всю эту скорбь и слезы, король Англии остался тверд в своей жестокости и велел их казнить. Восемь дней спустя сир де Гитри сдался на условии, что ему и его гарнизону будет сохранена жизнь. Один дворянин герцога Бургундского, по имени Гийом де Бьер, обвинил его в том, что он один из убийц герцога Жана. Гитри предложил оправдаться поединком; король Англии дал ему охранную грамоту для прибытия на поединок; однако дело тем и кончилось.

Вильнёв-ле-Руа был также взят. Затем бургундцы и англичане отправились осаждать Мелён, в то время как Дофин поехал утверждать свою власть в краю Лангедок. Он оставил Барбазана, сира де Бурбона и своих храбрейших рыцарей защищать Бри, и они стали там грозной силой. Город был окружен многочисленной армией; король Англии расположился на левом берегу Сены, герцог Бургундский занимал правый берег и сторону Бри; король Франции и две королевы находились в это время в Корбейе.

Рыцари Дофина вскоре показали, что они окажут упорную и долгую оборону [29]. С первых же дней они делали вылазки, в которых бургундцы сильно страдали; осаждающие поняли тогда, что необходимо укрепиться самим, и окружили свой лагерь рвами и палисадами. Они установили свои осадные машины и приказали стрелять по городу из бомбард и пушек. Осажденные были не менее искусны и не менее деятельны в применении своей артиллерии; у них были арбалетки, которые убивали всех, кто приближался к стене. Никто не был столь расторопен и ловок, как один монах-августинец, убивший по меньшей мере шестьдесят воинов. Когда какая-либо часть стены оказывалась разрушенной, ее тотчас восстанавливали землей или деревянными конструкциями.

Не было никакой возможности пытаться штурмовать столь хорошо защищенный город: это было бы предприятием безрассудным и бесполезным; король Англии всегда этому противился. Осада длилась уже некоторое время, когда прибыл герцог Роже Баварский, приведя с собой многочисленное подкрепление к бургундской армии. Он начал удивляться, что не дают приступа; король Генрих с терпением и мягкостью изъяснил ему, что это неподходящее дело, но не мог преодолеть его самонадеянности. Герцог Бургундский, который также уставал от благоразумия англичан, был только рад попытать эту атаку; король предоставил им действовать, сказав лишь, что когда приступ будет даваться с той стороны, где находится он, он и его англичане исполнят свой долг. Оба герцога велели готовить лестницы и все необходимое; это не было сделано столь скрытно, чтобы Барбазан того не заметил. Он дал бургундцам подойти

до края рва; они уже начинали спускаться в него и приставлять свои лестницы, трубя в трубы и крича: «На приступ!» Стену защищало лишь около пятидесяти лучников и горожане, готовые скатывать большие камни и лить на осаждающих кипящую воду или жир. Атака началась, и многие уже добирались до верха стены, несмотря на камни и на все то, что осажденные дождем обрушивали на них, когда внезапно трубы города звонко зазвучали, и гарнизон, вдруг выскочив через потерну в ров, обрушился на бургундцев и немцев. Им пришлось в большой спешке карабкаться из рва, возвращаясь в свой лагерь, под стрелами, которые поражали их в спину; многие были убиты или ранены, и предприятие обернулось, таким образом, к их посрамлению. Англичане были не довольны этой неудачей и уроком, полученным их самонадеянными союзниками. Впрочем, король Генрих говорил, что, если они и не достигли успеха, то вели себя доблестно и что на войне ошибки, в которых проявляют мужество, стоят успехов.

Видя, что осажденные обороняются столь хорошо и не желают идти ни на какие переговоры, хотя съестные припасы были уже скудны в городе, англичане начали рыть подкопы [30]. Люди из гарнизона подозревали это и тщательно прислушивались, не раздается ли в подвалах какого-либо глухого подземного шума. Однажды Луи Жювенель дез Юрсен, доблестный оруженосец, сын генерального адвоката, разобрал, как ему показалось, что вражеский подкоп приближается к посту, ему вверенному; он взял свой топор и побежал к месту, где слышался шум. Барбазан повстречал его, когда он бежал туда: «Луи, куда ты?» — сказал он ему. И, когда узнал, в чем дело: «Брат, ты еще не знаешь хорошо, что значит сражаться в подкопе; вели мне обрубить рукоять твоего топора; подкопы часто узки и извилисты; там надобны короткие палки, чтобы биться врукопашную». Они спустились в подвал и послали за рабочими, чтобы вести встречный подкоп. Продвигались в ту сторону, откуда слышался шум, стараясь всегда ставить крепкий заслон впереди себя. Наконец оба подкопа встретились; рабочие отошли, и воины обеих сторон порешили, из любопытства к приключению, устроить несколько доблестных поединков в этом подземном и темном месте. Первым, кто бился там со стороны французов, был Луи Жювенель, которого Барбазан посвятил в рыцари. Можно было ранить, но нельзя было захватить друг друга, ибо между бойцами была преграда высотой в половину человеческого роста. При факелах и светильниках проходил этот поединок. И те и другие получали от него великое удовольствие; в течение нескольких дней совершались там прекрасные ратные подвиги. Многие рыцари были посвящены по этому случаю. Король Англии и герцог Бургундский сами пожелали там преломить копьё. С сиром де Барбазаном бился король, сперва не давая себя узнать; но, как только рыцарь узнал, кто его противник, он почтительно отступил. Эти бои были своего рода турниром и праздником, так что вначале, когда осаждающие слышали колокольный звон города, они думали, что там радуются какой-то подоспевшей помощи; но они узнали, что это праздновали те поединки. Все проходило с великой учтивостью, и король Англии охотно воздавал похвалы доблести рыцарей Дофина.

Этот принц ничего так не желал, как прийти к ним на помощь; он разослал уполномоченных во все земли своего повиновения, чтобы собрать воинов. Собрали около пятнадцати тысяч человек, и они выступили в поход. Но когда они прибыли в Блезуа, стало известно, что англичане и бургундцы столь многочисленны и их лагерь столь хорошо укреплены, что нечего было и пытаться что-либо против них предпринять.

Барбазан и его люди не пали духом. Они питались кониной; хлеба не хватало; болезни опустошали гарнизон; однако он не желал слушать никаких предложений. Король Генрих велел привести в лагерь короля Франции, чтобы его присутствие сильнее подействовало на осажденных; они ответили, что охотно откроют ворота ему, но отнюдь не смертельным врагам королевства. Что поддерживало их стойкость, так это то, что и осаждающие страдали жестоко. Эпидемия уносила у них много народу; воинам не платили жалованья; нужда царила у них, как и в Париже и во всей этой стране, столь давно опустошаемой. Все лошади дохли.

К тому же англичане и бургундцы с каждым днем все хуже ладили между собой; у них беспрестанно бывали ссоры. В Сансе, после взятия города, возник великий спор из-за постоя, и дело едва не дошло до драки. Что более всего оскорбляло французов, так это малое уважение, оказываемое их королю, и то жалкое положение, в котором его держали: окруженного малым числом слуг и посредственно одетого, тогда как король Англии имел двор более пышный, чем когда-либо. Повадки его были также более надменны, чем то подобало во Франции, где дворяне и прочие не привыкли, чтобы их государи обращались с ними столь грубо [31].

Однажды маршал де Лиль-Адан, который начальствовал в Жуаньи, прибыл в лагерь по какому-то военным делам; он явился к королю Генриху, отвесил ему почтительный поклон и начал излагать причину своего приезда. Король, которому, без сомнения, показалось, что маршал предстал перед ним без достаточной церемонности, сказал ему насмешливым тоном: «Лиль-Адан, разве это одеяние маршала Франции?» Тот, не смутившись и глядя на короля, возразил: «Сир, я велел сшить это платье серовато-белым, чтобы прибыть сюда водой, на судах по реке Сене. — Как! — живо сказал король, — вы смотрите в лицо государю, говоря с ним! — Сир, — возразил Лиль-Адан, — во Франции таков обычай, что когда человек говорит с другим, какого бы звания и могущества тот ни был, он считается дурным и бесчестным человеком, если не осмеливается смотреть ему в лицо. — Это не наш обычай», — прервал король. И было ясно, что он сильно невзлюбил сира де Лиль-Адана; дальнейшее показало это еще лучше.

То, что произошло с принцем Оранским, было еще серьезнее: он вел подкрепления к армии. Король Англии захотел потребовать от него клятву, установленную миром в Труа. «Я прибыл сюда, — сказал он, — служить монсеньору Бургундскому; но что до принесения клятвы старинному и смертельному врагу королевства Франции, — этого я не сделаю никогда». Он уехал бы обратно, если бы не настояния герцога Бургундского.

Сир де Люксембург также привел новые подкрепления королю Англии и Герцогу, которые в них сильно нуждались, настолько поредела их армия. Несчастные осажденные, видя издали знамена, приближающиеся к городу, вообразили, что Дофин наконец шлет им помощь [32]. С высоты своих стен они издали радостные крики, говоря англичанам, чтобы те седлали коней и уезжали; но когда они заметили свою ошибку, они спустились обратно в город печальные, понуриив головы и упав духом. Вскоре после этого прибыло также парижское ополчение под началом Ле Гуа и Сен-Йона [33]. Гарнизон, истощенный пятимесячной осадой, не замедлил сдаться. Осажденным воинам была дарована жизнь, за исключением тех, кто, будучи подозреваем в соучастии в убийстве герцога Бургундского, должен был быть предан суду; на прочих было наложено условие представить поручительство, что они не будут вооружаться против короля Англии; буржуа и прочие оставались во власти победителя, равно как и шотландцы или англичане, находившиеся в гарнизоне; наконец, двенадцать заложников были взяты из числа военачальников и шесть из числа буржуа; сир де Бурбон, сир де Барбазан, сир Жювенель были потребованы в заложники.

Этот договор получил истолкование вероломное и недостойное столь доблестного государя, как король Англии. Кроме заложников, пять или шесть сотен человек из гарнизона были задержаны и отправлены в тюрьмы Парижа, и на их жалобы отвечали, что им сохранена жизнь, как и было обещано. Шотландцы были повешены; различные лица из города и два монаха из аббатства Жуарр были обезглавлены [34].

Когда герцог Бургундский пожаловался, что один гасконский дворянин, подданный и слуга короля Англии, за деньги дал бежать Раймону де Луару, обвинявшемуся в соучастии в смерти герцога Жана, король Генрих приказал отрубить голову этому дворянину. Герцог не требовал такой строгости и умолял о помиловании; герцог Кларенс также ходатайствовал перед братом; все было тщетно: он не внял ни жалости, ни привязанности, которую всегда выказывал к своему слуге, — столь велика была его суровость.

Восемнадцатого ноября Мелён сдался. Пробыв некоторое время в Корбейе, короли совершили свой въезд в Париж. Уже ранее герцог Бургундский передал англичанам Бастилию, Лувр, Нельский отель, Венсен; первым употреблением, которое король Англии сделал из своей власти, было отнять у графа де Сен-Поля должность первого капитана Парижа и передать ее своему брату, герцогу Кларенсу. Город продолжал страдать от ужасной нищеты; хлеб с каждым днем становился реже и дороже; нужно было вставать ночью, чтобы идти толпиться у дверей булочников, и все же хлеба не хватало на всех [35]. Богачи, которые могли сверх платы за хлеб заплатить за пинту или полпинты вина булочным подмастерьям, одни только и получали хлеб. Видно было, как бедные малые дети тащатся по улицам, плача и крича: «Я умираю с голоду». Они падали на навозные кучи, где их находили мертвыми от истощения и холода; ибо дрова стали также крайне редки, и это было не из меньших страданий.

Именно это плачевное состояние города внушило бедному народу великое усердие в праздновании въезда короля Англии; люди так страдали, что надеялись, будто всякая перемена принесет какое-нибудь облегчение; ничем не дорожили, чтобы угодить господам, чье сердце хотели смягчить, дабы они сжалились над столь великой нуждой. Оба короля въехали через ворота Сен-Дени под приветственные клики народа, кричавшего «Ноэль». Богачи облачились в красное платье в честь англичан; священники устраивали процессии, выходили перед своими церквями, поднося реликвии для целования обоим королям, с пением: «Te Deum laudamus» или «Benedictus qui venit». Вдоль всей улицы Каландр был воздвигнут большой помост, где представляли мистерию Страстей Господних в том виде, как она была изображена в виде рельефов вокруг хора собора Нотр-Дам. Именно в эту церковь направились сначала оба короля и принцы, проехав через Париж. Они ехали верхом один подле другого, король Франции справа. Позади них следовали, с одной стороны, герцоги Кларенс и Бедфорд; с другой — герцог Бургундский и его слуги, одетые в черное. Возблагодарив Бога и сотворив молитвы, король Франции возвратился в свой отель Сен-Поль, король Англии — в Лувр, герцог Бургундский — в отель Артуа. На следующий день обе королевы также совершили свой торжественный въезд. Это возвращение короля, это стечение французских и английских сеньоров не имели иного действия, кроме как еще более увеличить дороговизну съестных припасов и голод в Париже; с каждым днем город обезлюживался. Добрые жители основывали госпитали в разных кварталах, чтобы призывать несчастных сирот, умиравших от голода. Зима была очень холодной; волки приходили на кладбища и даже на улицы пожирать мертвые тела, которые они находили в изобилии.

Король Англии тотчас велел собрать депутатов трех Штатов королевства; они поклялись соблюдать договор в Труа на святых Евангелиях, и великие сеньоры вручили королю Генриху свое изъявление покорности и клятву, скрепленные их печатями [36]. Бедствия и затруднения королевства также были изложены Штатам; у них попросили средств на войну, им сказали, о чем надлежит позаботиться, приглашая их о том поразмыслить [37].

Среди всего ущерба, понесенного общественным делом, одним из величайших было обесценивание монет [38]. Марка золота, которая в царствование Карла V стоила 63 ливра 17 су 6 денье, составляла теперь 171 ливр 13 су. Марка серебра была повышена с 5 ливров 16 су до 28 ливров. Оттого все товары стали весьма дороги. Торговля пришла в расстройство. Должники и откупщики расплачивались к великому ущербу своих кредиторов и владельцев. Против этого беспорядка раздавался всеобщий вопль.

Штаты ответили, что они готовы исполнить то, что будет угодно королю и что прикажет его совет. Косвенные налоги и габель были восстановлены, как король Англии уже сделал в Руане. Что касается монет, король объявил, что он повелит чеканить добрую и полновесную монету как золотую, так и серебряную, и что, дабы иметь из чего ее чеканить, он повелевает, с соизволения людей трех Штатов, собрать в добрых городах королевства со всех, какого бы звания они ни были, налог в марках серебра. Марки эти должны были быть сданы на монет-

ный двор, и каждый получил бы затем по 7 ливров за каждую марку серебра, которая была у него взята в долг. Между тем, по пробе этой новой монеты, марка должна была бы стоить 8 ливров. То был, следовательно, тяжкий налог. Против него много роптали. Университет явился с ремонстрациями от имени людей церкви и потребовал своих изъятий. Король Англии ответил им с грубостью, и когда они хотели возражать, он заставил их замолчать. Пришлось подчиниться, ибо этот король отправил бы их в тюрьму. Надобно было повиноваться с покорностью; иначе человека сочли бы арманьяком и подвергли бы великой опасности.

Однако королевские приказы о перечеке монеты не могли быть исполнены. Так как Дофин сохранил слабую монету и даже еще более ее обесценил, все звонкие деньги уходили в его земли; но зато там и платили за вещи гораздо дороже.

Как только герцог Бургундский вступил в Париж, он занялся, наконец, добываясь правосудия за смерть своего отца, как к тому давно побуждала его герцогиня-мать. 23 декабря король, заседа в торжественном судебном присутствии в отеле Сен-Поль, в своей судебной палате Парламента, в присутствии депутатов Штатов, имея короля Англии подле себя как регента, — герцог Бургундский в траурном одеянии, сопровождаемый герцогами Кларенсом и Бедфордом, прелатами и сеньорами своего совета, выступил вперед и сел на скамью по другую сторону залы. Мессир Никола Ролен, его адвокат, испросил у обеих королев позволения говорить; затем от имени Герцога и герцогини, его матери, он изложил обстоятельства убийства, совершенного над особой Жана, герцога Бургундского, Карлом, именующим себя дофином Вьеннским, виконтом де Нарбонном, сиром де Барбазаном, Таннеги дю Шателем, Гийомом ле Бутелье, Жаном Луве, Робером де Луаром, Оливье Лейе и прочими сообщниками, и потребовал, чтобы их возили в течение трех праздничных дней по парижским перекресткам на позорной телеге, с непокрытой головой, держа в руке свечу, громогласно возглашая, что они злобно, предательски, проклятым образом, из зависти и без разумной причины убили герцога Бургундского; чтобы они повторили те же слова в Монтеро, на месте преступления; чтобы они построили там церковь и учредили в ней двенадцать каноников, шесть капелланов и шесть клириков, равно как в Париже, в Риме, в Генте, в Дижоне, в Сантьяго-де-Компостела и в Иерусалиме, повелев высечь крупными буквами на камне портала причину сего учреждения [39].

Мэтр Пьер де Мариньи, адвокат короля, также выступил с уголовными заключениями против обвиняемых. Кроме того, мэтр Жан Ларше, доктор богословия и представитель Парижского Университета, говорил еще с большей силой, увещевал обеих королев внять требованиям герцога Бургундского и свершить над ним правосудие; затем, как лицо духовное, он выступил с заключениями только по гражданской части.

Наконец, канцлер от имени короля объявил, что виновные в этом проклятом преступлении совершили преступление в оскорблении величества, подлежат наказанию лично и имущественно, что они неспособны и недостойны всякого наследования, достоинств, почестей и преимуществ, каковы бы они ни были, сверх кар, которые законы предписывают против совершителей преступлений оскорбления величества и их потомства; сверх того, что сказанные преступники подпали под кары, означенные в мирном и союзном договоре, подписанном в Понсо; что все их люди, вассалы, подданные и слуги, нынешние и будущие, разрешены и освобождены от всякой присяги верности, от всякого обещания или обязательства службы по отношению к ним и их преемникам.

Это объявление короля не было приговором; это было то, что называли судебными грамотами; они завершались приказом судебным и королевским чиновникам приступить, каждому в своей юрисдикции, против сказанных виновных чрезвычайным порядком, если требуется, и свершить правосудие над сторонами.

В силу этих грамот Парламент начал судопроизводство. 3 января 1421 года, по требованию генерального прокурора, был вызван в трехдневный срок, под страхом изгнания, при трубных звуках, на мраморный стол мессир Карл Валуа, дофин Вьеннский, по делу об убий-

стве, совершенном над особой Жана, герцога Бургундского. По соблюдении всех формальностей, принятых в правосудии, он был по приговору изобличен в деяниях, ему вменяемых, и как таковой изгнан и навечно исключен из королевства и объявлен недостойным наследовать все владения, настоящие и будущие. Этот приговор, который все добрые и верные французы находили несправедливым, ничтожным и безрассудным, мало тронул Дофина; он апеллировал к острию своего меча и дал обет нести свою апелляцию как во Францию, так и в Англию или во владения герцога Бургундского [40].

В то же время владычество англичан становилось суровым и тягостным; король Генрих начинал всем править по своей единственной воле; он ставил собственных слуг на все должности, не считаясь с теми, кого король, герцог Жан или герцог Филипп на них назначили. Герцог Эксетер, его дядя, стал капитаном Парижа; граф Хантингтон начальствовал в Венсене, сир д'Амфревиль — в Мелёне. Он вел в Лувре веселую жизнь и большие траты, тогда как бедный старый король Франции оставался одиноким в своем отеле Сен-Поль, покинутый всеми, так что в день Рождества, когда прежде его столь торжественно окружали, его навели лишь старые слуги и несколько буржуа, хранивших ему верную приязнь [41].

Герцог Бургундский также имел повод жаловаться на короля Англии таким образом, который сильно затрагивал его сердце. Среди пленных из гарнизона Мелёна, которых обвиняли в участии в убийстве герцога Жана, самым значительным был сир де Барбазан. Герцогиня Маргарита велела своему совету в Дижоне составить, на основе всех собранных свидетельских показаний, вопросные статьи, по которым этот рыцарь должен был быть допрошен [42]. Король Англии не позволил предать его суду. Уверяли, что сир де Барбазан, сославшись на права побратима по оружию, которые, согласно правилам рыцарства, он приобрел, сражаясь один на один с королем в подкопах Мелёна, — этот государь принял сие честное обязательство и решил спасти храброго Барбазана [43]. Он отправил его в заточение в Шато-Гайяр, но выдал правосудию бастарда Таннеги де Кемереля и Жана Готье, которые были четвертованы по приговору Парламента [44].

Уже в январе король Генрих покинул Париж, чтобы возвратиться в Англию с мадам Екатериной, а Герцог снова отправился во Фландрию, задав перед тем прекрасные празднества и ристалища городу Парижу, дабы выказать ему всю свою приязнь.

Во время путешествия, которое он совершал по своим добрым городам, он проявил наследственную склонность Бургундского дома к великолепию и пышной обстановке. Он выказывал еще больше роскоши, чем его отец или дед. Когда он совершал въезд в города, он приказывал нести перед собой обнаженный меч и появлялся окруженный всеми чиновниками своего дома. Сеньоры не преминули составить ему благородную и блестящую свиту. Богатые буржуа Фландрии, которые жили мирно и свободно, в то время как Франция и Англия были несчастны и опустошены войной, купцы, обогатившиеся во все возрастающей торговле, выказывали свою признательность своему государю, устраивая для него прекраснейшие праздники. Герцог Филипп, какова бы ни была его любовь к державной пышности, был мягок и приветлив со всеми и всегда с удовольствием возвращался к этим фламандцам, среди которых он провел счастливую юность. Повсюду только и были что ристалища и турниры; особенно великолепные состоялись в Брюсселе у его племянника герцога Брабантского. Герцог приказал изготовить двадцать четыре одеяния алого цвета, усыпанных золотым шитьем, для рыцарей, которые должны были сражаться с ним. Его слуги и пажи были также расшиты самыми блестящими вышивками, изображавшими огниво для высекания огня, которое тогда называли фузилем, с его девизом.

Сам он был одет самым изящным образом; его котта д'арм и плащ были украшены сорока локтями серебряной ленты в узлах и розетках; но ничто не было так прекрасно, как плюмаж его шлема: султан состоял из двадцати одного пера цапли; нашлемник — из двадцати четырех страусовых перьев; сзади развевалось семнадцать павлиньих перьев.

В то время как герцог Бургундский предавался таким образом благородным развлечениям в своем Фландрском владении, а король Англии также выказывал все великолепие своего королевства при короновании мадам Екатерины, приверженцы Дофина с каждым днем вновь обретали почву во Франции. Они захватили врасплох Вильнёв-ле-Руа; гарнизоны Компьень, Пьерфона, Шато-Тьерри выходили в поле и опустошали Валуа, Бовези, Вермандуа и вплоть до Камбрези. Бастард де Вору, один из начальников, командовавших в Мо, доходил до самых ворот Парижа и своей жестокостью сеял ужас по всей округе [45].

Но самые большие силы Дофина находились в Перше и в Анжу под началом маршала де Ла Файета и графа Бьюкена, который привел ему шотландцев. Накануне Пасхи герцог Кларенс напал на них близ Боже. Столько побед вселило уверенность в англичан. Герцог Кларенс, который давно уже был мучим сожалением, что не оказался при Азенкуре, считал, что не сможет атаковать достаточно быстро. Не дожидаясь лучников, он перешел с тяжелой конницей реку, отделявшую его от французов; те обрушились на него прежде, чем граф Солсбери подвел главные силы. Бой был жаркий. С самого начала схватка стала кровавой. Сир Шарль ле Бутелье вскоре захватил герцога Кларенса и сделал его своим пленником, надеясь обменять на герцога Орлеанского; англичане силились его освободить; в этой схватке граф Бьюкен добрался до принца и убил его собственноручно, в то время как сир ле Бутелье пал, пронзенный ударами, на тело своего пленника; лорд Рос, Жильбер д'Амфревилль также погибли; граф Сомерсет, граф Саффолк были взяты в плен. Когда, наконец, граф Солсбери и бастард Кларенс прибыли на помощь, цвет английского рыцарства уже пал на поле битвы или был уведен в плен.

Эта прекрасная победа подняла мужество французов. К тому же королевство не могло привыкнуть к грубому и тираническому правлению своих старинных врагов [46]. Многие из французских сеньоров, которые долго держали сторону Бургундии, обратились против него. Уже несколько лет мессир Жак д'Аркур, называя себя союзником и другом Герцога, вел упорную войну с англичанами; он даже посадил в тюрьму графа д'Аркура, своего родственника, за то, что тот был им благоприятен; наконец, он полностью перешел на сторону Дофина. Он удерживал сильный замок Кротуа в Пикардии, на берегу моря, и оттуда совершал набеги на суше и на море. На границах Пикардии находились также два самых доблестных и искусных рыцаря Дофина: Потон де Сентрай и Виньоль, прозванный Ла Гир. Вместе с ними сеньор де Рамбюр, Луи де Гокур и множество других доблестных дворян из Вимё и Понтье начали сражаться с англичанами.

В Париже народ был недоволен; голод и болезни продолжали уносить бесконечное множество людей; указы о монетах беспрестанно менялись, и никто не знал, сколько ему должны и сколько он должен; налог на марки серебра взимался, а между тем полновесная монета, которую обещали, не чеканилась [47].

Англичане нашли усердного и ревностного слугу в Филиппе де Морвилье, первом председателе Парламента; за малейший ропот он приказывал прокалывать язык тем, на кого ему доносили. Дабы бороться с дороговизной припасов, была установлена такса, которая еще увеличила скудость, ибо ни один купец не хотел больше ничего привозить. Первый председатель приказывал ставить к позорному столбу, возить в позорных телегах или телесно наказывать тех, кто нарушал эту таксу. Было также запрещено золотых дел мастерам торговать золотом и серебром; менялы были обязаны соотноситься с правилами о монете; никогда не видели такой жестокой тирании в Париже.

Новый английский губернатор, герцог Эксетер, заставлял сожалеть о герцоге Кларенсе, которого имели прежде и который сумел снискать расположение французов, ибо был мягок и приветлив; напротив, герцог Эксетер был суров. Он приказал схватить маршала де Лиль-Адана, которому король Генрих не прощал его гордости; народ Парижа взбунтовался, чтобы его защитить; тысяча или тысяча двести человек взялись за оружие, чтобы вырвать его у англичан. Герцог Эксетер приказал выдвинуть своих лучников и стрелять в народ, обещая, однако,

что доброе правосудие будет свершено над сеньором де Лиль-Аданом. Он приказал отвести его в Бастилию, где этот сеньор оставался долгое время, невзирая на настояния, которые часто делал в его пользу герцог Бургундский [48].

Король Англии, узнав о поражении и смерти своего брата и о состоянии своих дел во Франции, поспешил туда возвратиться. Он высадился в Кале в первых числах июня и тотчас отправил графа Клиффорда с тысячей двумястами воинами в Париж, где герцог Эксетер был уже довольно сильно тесним людьми Дофина. Французская армия осаждала Шартр, и гарнизоны угрожали Парижу. Герцогиня Бургундская из Дижона написала своему сыну, чтобы он подумал о безопасности короля, и он поспешил созвать своих воинов в Аррас; но так как король Англии прибывал, чтобы о том позаботиться, он выехал ему навстречу в Монтрёй. В то время он был болен лихорадкой; не имея возможности сесть на коня, чтобы выехать к нему навстречу, он послал сира де Люксембурга, дабы извиниться. Король и он пробыли три дня вместе, совещаясь о своих делах, затем направились к Аббевилю. Горожане, которые все были добрыми французами, мало желали предоставить проход через Сомму королю Англии; однако, по настояниям Герцога и по обещанию, что все взятое будет оплачено, они согласились открыть свои ворота. Пока шли эти переговоры, овладели замком Ла-Ферте близ Сен-Рикье, где стоял гарнизон сира д'Аркура, и охрана его была поручена Никезу де Буффлеру, местному дворянину [49].

Король Англии продолжил свой путь к Парижу, куда вступил в последний день июня. Вскоре после этого он собрал свою армию в Манте, чтобы двинуться к Шартру против армии Дофина; герцог Бургундский также прибыл туда со своими воинами. Но поскольку дофинисты отступили в сторону Тура, он возвратился в Пикардию, где сир д'Аркур и вражеские гарнизоны с каждым днем набирали все больше силы. Сир де Буффлер сдал замок Ла-Ферте; Сентрай и сеньор д'Оффемон захватили врасплох Сен-Рикье; многие другие замки и крепости перешли в руки дофинистов. Король Англии приказал выдать Герцогу крупные суммы для уплаты его воинам и обещал ему подкрепления. Он в них весьма нуждался, ибо враги были в большей силе, чем он. Он попросил жителей Амьена и других добрых городов предоставить ему арбалетчиков; они обещали ему помочь [50]. Но Аббевиль не был столь хорошо расположен; сир д'Аркур имел там тайные связи; сеньор де Коэн, который был там капитаном, однажды вечером, совершая обход, подвергся нападению и был жестоко ранен городскими жителями, которые затем бежали к дофинистам.

Герцог начал с атаки на мост Реми на Сомме. Враги разместили гарнизон в замке, расположенном на острове, который разделяет мост на две части. Арбалетчики сели на суда, чтобы его атаковать, и вынудили французов отступить. Замок и все, что было на острове, было сожжено. Затем Герцог расположился лагерем перед Сен-Рикье, но он не был достаточно силен, чтобы его осаждать. Гарнизон делал бойкие вылазки и даже захватил нескольких знатных пленников. Во время этой осады состоялся вызов шестерых дофинистов против шестерых бургундцев. Были нанесены прекрасные удары копьями; но сир д'Оффемон, начальник гарнизона, и Жан де Люксембург, командовавший армией Герцога, приняли большие предосторожности — столь мало было доверия к честному слову друг друга.

Уже более месяца длилась осада без всякого успеха. Герцог внезапно узнал, что сир д'Аркур послал известить гарнизоны Компьена и других городов, принадлежавших Дофину, чтобы они собрались с ним вместе и выступили против бургундцев. Герцог увидел, что окажется в великой опасности, и решил предупредить врага [51]. Он приказал Филиппу де Савёзу перейти на другую сторону Соммы, чтобы получить точные сведения о передвижении дофинистов. Сам он со всей поспешностью и тайно, ночью, покинул лагерь со всеми своими людьми и, двигаясь все утро, прибыл в Аббевиль. Там он приказал своим людям пить и есть и дать отдых лошадям, не располагаясь на постой, ибо он с минуты на минуту ожидал известия продолжать путь. Вскоре и вправду сир де Савёз дал ему знать, что дофинисты приближаются

к переправе Бланш-Так, чтобы соединиться с сиром д'Аркуром, который ждал их на другом берегу реки. Нельзя было терять ни мгновения. Герцог приказал своим воинам снова сесть на коней, оставил арбалетчиков, которые не могли следовать, и продолжил марш по левому берегу Соммы. Он получал с минуты на минуту послание за посланием, говорившие ему спешить и что враги начинают переходить реку; наконец он прибыл. Дофинисты остановились и готовились принять бой; обе армии были на расстоянии трех выстрелов из лука друг от друга. То был первый раз, когда Герцог оказывался в правильном сражении. Как он ни спешил, он пожелал быть посвященным в рыцари рукой мессира де Люксембурга; затем сам он посвятил в рыцари Филиппа де Савёза, Коллара де Комина, Жана де Рубе, Гийома де Халевина, Андре и Жана Вилена и многих других. В то же самое время несколько рыцарей было посвящено и в другой армии.

Герцог тотчас послал Филиппа де Савёза со ста двадцатью копьями, чтобы обойти дофинистов и атаковать их с фланга. Тогда началась схватка; она была жестокой. Тяжеловооруженные всадники обеих сторон устремились друг на друга. Дофинисты, чьи лошади не были утомлены, на полном скаку ударили на бургундцев, которые сперва довольно хорошо выдержали натиск. Копья ломались; воины были сбрасываемы наземь; сходились ближе, брались за рукопашную. Схватка начинала становиться кровавой, как вдруг часть людей Герцога обратилась в бегство. Все было сделано в столь великой спешке, что его знамя осталось в руках слуги, который его нес. Этот человек испугался, повернул коня, ускакал и даже уронил знамя. Это-то и начало сеять страх среди бургундцев. Гербовый король Фландрии распространил по рядам, что его господин только что был сбит с коня. Тревога удвоилась; храбрые рыцари из Артуа, Пикардии, Фландрии, которых всегда видели испытанными в опасности, смешались и обратились в бегство. Они побежали к реке, чтобы перейти ее обратно по мосту в Аббевиль; но город, вполне благоприятный Дофину, закрыл перед ними ворота; они продолжали путь до Пеккиньи.

Между тем Герцог, оставшись с третью своих людей, совершал чудеса доблести. Жан де Люксембург получил сильную рану в лицо, был сброшен с коня и взят в плен. Сеньор д'Эмберкур также был ранен и взят в плен. Ничто не поколебало мужества Герцога. Удар копья пронзил луку его седла; другой удар расстроил его доспех. Один дофинистский воин крепко схватил его, чтобы стащить на землю; он прищипорил коня и вырвался из этой хватки. Близ него множество храбрых рыцарей сражались также как обреченные. Никто не выказывал себя столь грозным, как молодой сир де Вилен, которого Герцог только что посвятил в рыцари. Он был высокого роста и сидел на могучем коне; бросив поводья, он взял обеими руками свою боевую секиру и наносил тяжкие удары в гуще схватки. Все, что попадало ему под руку, бывало повержено. Так добрался он до Сентрая, который прибыл из Сен-Рикье принять участие в битве; он имел честь заставить отступить этого доблестного рыцаря, который потом признавался, что не осмелился противостать ужасной секире сира де Вилена. Долгое время показывали в кафедральном соборе Лилля крепкий доспех этого исполинского рыцаря [52].

Однако часть дофинистов, увидев бегство людей Герцога, бросилась их преследовать. Это разделение сил помогло бургундцам. Победа осталась за ними; они сломили и обратили в бегство тех, кто остался им противостоять. Сам Герцог был столь яростен и одушевлен в бою, что долго следовал по берегу Соммы, преследуя дофинистов. Он даже двоих взял собственноручно. В то же время сир де Розимбо поднял знамя Бургундии и собрал часть беглецов. День, таким образом, склонился в пользу Герцога, и он чудесным образом избежал столь великой опасности через победу [53]. Сентрай и главные рыцари Дофина были взяты в плен и уведены в Аббевиль. Те из бургундцев, которые бежали, покинув своего господина, встретили от него суровый прием. Некоторые из них были из его дома; он изгнал их; их прозвали рыцарями Пеккиньи, и им долго пришлось своей храбростью смывать это постыдное пятно.

Этот успех избавил границы Пикардии от дофинистских отрядов. Многие крепости, не надеясь более на помощь, сдались. Сир д'Оффемон вступил в переговоры за Сен-Рикье и сдал

его на условии, что Герцог освободит без выкупа Сентрая, сира де Конфлана и сира де Гамаша; притом это устройство было заключено их же попечением [54]. Герцог оказал им столь почетный прием, что завоевал их сердца, и они возвратились, распространяя повсюду хвалы его учтивости. Друзья и враги говорили о нем с благосклонностью и сравнивали его добрые манеры с грубой надменностью англичан.

В то время как он одерживал славную победу при Мон-ан-Вимё, король Генрих взял Дрё и Божанси, вынудил Дофина отступить за Луару, а затем пришел осаждать Мо [55]. Этот гарнизон, который с давних пор обирал и опустошал всю округу вокруг Парижа, начальствовали в нем доблестные люди: сир Гишар де Шизе, капитан, Луи Дюга, Перрон де Люпп, Филипп де Гамаш, аббат Сен-Фарона. Но самым ужасным и самым прославленным из всех был бастард де Ворю; он некогда служил графу д'Арманьяку, и, чтобы отомстить за смерть своего господина, он не останавливался ни перед какими жестокостями. Он рыскал по округе, захватывал купцов и бедных землепашцев, привязывал их к хвосту своего коня и приводил в Мо; там он облагал их большим выкупом. Когда он не мог ничего получить, он приказывал своему палачу повесить их или вешал их сам на большом дереве. Ничто не было столь знаменито и столь наводило страх во всей округе и до самого Парижа, как вяз Ворю, на котором он развесил столько несчастных.

Было одно особенно приключение, которое возбуждало жалость и негодование всех [56]. Этот бастард притащил в Мо молодого человека, которого он оторвал от плуга. Он начал с того, что велел его пытаться, требуя с него непомерный выкуп. Молодой человек дал знать своей жене, каким мукам его подвергают и какую сумму с него требуют. Не было и года, как они поженились; она была на сносях. Она прибыла в город, чтобы попытаться смягчить сердце этого жестокого тирана; ее слезы не тронули его; он объявил ей, что если в назначенный день она не принесет выкупа, ее муж будет повешен на ветвях вяза. Молодой землепашец сокрушался и плакал, видя горе жены, которая его так любила, а она, рыдая, препоручала его Богу. Как она ни спешила, она не могла достать сумму иначе как через восемь дней после назначенного срока, ибо деньги были весьма редки, а все люди весьма несчастны. Она прибежала в город. Усталость, родовые муки, которые начинали сказываться, удручали ее так, что она упала без чувств, когда добралась. Ее первым словом, когда она пришла в себя, было спросить о муже. «Заплатите, — сказали ей, — тогда увидите его». Пока она отсчитывала эти деньги, она видела других землепашцев, которые, не имея чем выкупиться, были вешаемы или бросаемы в реку. Ее бедное сердце сжималось, и дурное предчувствие охватило ее. В самом деле, когда выкуп был отдан, эти жестокие люди сказали ей, что муж ее был повешен в назначенный день. Тогда несчастное создание, обезумев от горя и совсем потерявшись от отчаяния, принялось упрекать их в их злодеянии. Бастард, которому эти крики были неприятны, приказал обрезать ее платье, и, полуобнаженную, ее жестокими ударами палок погнали к вязу Ворю; там ее привязали так крепко, что веревки впивались в тело. Настала ночь; ночь холодная и дождливая; ветер раскачивал над ее головой трупы повешенных, висевшие на ветвях дерева, и порой их ноги задевали ее голову. К стольким страданиям, к столькому ужасу, который внушало ей это страшное место, вскоре прибавились родильные муки. Она выпускала горестные крики; их слышали в городе, но никто не осмелился бы оказать ей ни малейшей помощи, так боялись бастарда. Только волки прибежали, привлеченные ее стонущим голосом. На следующее утро у подножия вяза Ворю нашли ее окровавленные останки и растерзанные останки ее ребенка, которого волки вырвали из ее чрева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.